

Философия любви и женского начала в творчестве И. А. Гончарова и И. С. Тургенева

У статті розглянуто провідні філософсько-естетичні особливості концепції кохання, що втіпилися у творчості І. О. Гончарова та І. С. Тургенєва та знайшли відображення у працях російських релігійних філософів Срібного століття; проаналізовано основні жіночі типи, узагальнені у міфопоетичні образи Психеї та Галатеї.

Ключові слова: концепція кохання, жіноче начало, духовно-тілесне кохання, самопожертва.

В статье рассмотрены ведущие философско-эстетические особенности концепции любви, воплощенные в творчестве И. А. Гончарова и И. С. Тургенева и нашедшие отражение в работах русских религиозных философов Серебряного века; проанализированы основные женские типы, обобщенные в мифопоэтические образы Психеи и Галатеи.

Ключевые слова: концепция любви, женское начало, духовно-телесная любовь, самопожертвование.

The article deals with philosophical-esthetic features of the conception of love, which are found in I. Goncharov and I. Turgenev's works and represented in the Russian religious philosophies' works; analyses the main women types, which are generalized in mytho-poetical images of Psyche and Galateya.

Key words: conception of love, womanish beginning, spiritual-corporal love, self-sacrifice.

Об истории творческих связей и особенностях художественно-эстетической позиции Ивана Тургенева и Ивана Гончарова в литературоведении написано множество монографий и научных статей. Однако глобальность темы предопределяет ее неисчерпаемость, подтверждаемую постоянно появляющимися исследованиями ученых, которые, возвращаясь к ней, анализируют ее, исходя из собственных научных интересов и симпатий. Так, А. А. Бельская настаивает на том, что И. Тургенева и И. Гончарова разделяют "существенные эстетические разногласия" [4, с. 249]; уважаемый исследователь творчества И. Гончарова В. А. Недзвецкий, рассматривая историю сложных взаимоотношений двух "замечательных писателей", говорит

о том, что их творческое общение было взаимовыгодным, однако ученичество И. Тургенева для него очевидно, ибо И. Тургенев "испытал сильное и плодотворное влияние" гончаровского "Обрыва" [13, с. 88, 91]. В то же время авторитетный тургенист А. И. Батюто в большой статье, посвященной творческим связям И. Тургенева и И. Гончарова, акцентирует мысль об однородности процессов в образном мышлении писателей [3, с. 13] при всем объективно существующем концептуальном различии их идейно-художественных взглядов. В последнее время особенно настойчивым стало обращение литературоведов (А. А. Бельская, И. В. Ивакина, В. А. Недзвецкий, М. М. Одесская, Т. А. Савоськина, В. Н. Топоров) к специфике проблемы любви и женского идеала, выраженной в произведениях И. Тургенева и И. Гончарова. Учитывая высокую художественно-эстетическую значимость проблемы любви, красоты и женщины в творческом сознании писателей и ее роль в моделировании ими художественной картины мира, в данной статье сосредоточимся на выявлении специфики того общего, что "фатально-родственно" (А. Батюто) сближает писателей в решении данной проблемы, и того отличного, что составляет их неповторимую индивидуальность.

Широко известно, что незыблемым авторитетом и ориентиром для обоих художников был А. Пушкин, что в своем творчестве оба русских классика опирались на конкретику русской действительности, возводя социально-общественные и культурно-духовные картины жизни русского общества к национально значимым обобщениям и преломляя их сквозь призму собственного субъективно-поэтического восприятия. Отстаивая свободу творческой личности писателя, И. Тургенев утверждал, что "всякий писатель <...> старается прежде всего верно и живо воспроизводить впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни..." [15, X, с. 297]; И. Гончаров, пожелавший подвести аналитический итог своего творчества, в знаковой статье "Лучше поздно, чем никогда" отвечал перед читателями, подчеркивая, что он "писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, – словом, писал и свою жизнь, и то, что к ней прирастало" [10, с. 113]. И. Гончаров так же, как и И. Тургенев, который в своих писаниях отражал "быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя" и "самый образ и давление времени" [15, X, с. 292], стремился воссоздать "эпохи жизни", каким он был свидетелем. При этом главным для двух писателей оставалась все же поэзия, красота жизни, которую воображение и чувство, душа писателя, его искусство может возвести в идеал. К тургенистскому и гончаровскому творчеству вполне при-

стала выведенная И. Тургеневым формулировка смысла литературной деятельности И. В. Гете – "жизнь, возведенная в идеал поэзии" [15, X, с. 209]. Надо отметить также, что при всем объективизме писаний И. Тургенева и И. Гончарова замечательным качеством их прозы является ее выраженная субъективная наполненность. У И. Тургенева, помимо его откровенно-проникновенных лирических исповедей-излияний "Довольно" и "Стихотворения в прозе", в подавляющем большинстве произведений прочитываются его настроения и мироощущение, хотя своих героев он и не наделял собственными чертами характера и стремился к флюберовскому объективному письму. А И. Гончаров вообще не вуалировал свою авторскую позицию и авторскую "физиономию", о чем выразительно сказал Ю. Айхенвальд: "Гончаров необычайно субъективен в произведениях своего пера, он и не пытается достигнуть писательского беспристрастия и даже, не умея индивидуализировать слога, заставляет свои персонажи говорить пластическим языком самого автора" [1].

Но особенно роднит писателей их отношение к любви, к красоте, к женщине. В русской литературе в 40–50-е гг. XIX в. на фоне крепнущего материализма и позитивизма именно И. Тургенев и И. Гончаров утверждали мысль о всемогуществе любви, о том, что "любовь, с силой Архимедова рычага, правит миром" (И. Гончаров) и что "любовью держится и движется жизнь" (И. Тургенев). Их волновали вопросы о сущности женской природы, о роли женщины в судьбе мужчины и, шире, в судьбе страны и нации, оба они признавали безусловное превосходство женщины над мужчиной и исследовали различные проявления отношений между полами. Поэтому справедливы утверждения гончароведов и тургеневедов о том, что эти писатели каждый в своем роде предвосхитили основные тенденции философско-религиозных исканий русских мыслителей рубежа XIX и XX вв. Однако за этой внешней общностью взглядов писателей кроются глубинные индивидуальные особенности философско-эстетического свойства.

Любовь для И. Тургенева всегда оставалась самой таинственной и самой ценной составляющей человеческой жизни. Без любви для него были немислимы ни полноценная жизнь, ни вдохновенное творчество. Сам он не скрывал колоссальной роли любви в его судьбе: "Вся моя жизнь пронизана женским началом. Ни книга, ни что либо иное не может заменить мне женщину... Как это выразить? Я полагаю, что только любовь вызывает такой расцвет всего существа, какого не может дать ничто другое..." [16, с. 264]. В этом признании заложены основы тургеневского художественного творчества, его по-

истине мужской взгляд на женскую сущность, что позднее профессиональный философ Н. Бердяев выразил следующим образом: "Женщина должна быть произведением искусства, примером творчества Божьего, силой, вдохновляющей творчество мужественное <...> Без мистического влечения к женственности, без влюбленности в Вечную Женственность мужчина ничего не сотворил бы в истории мира..." [5, с. 254]. И. Тургеневу был открыт "сверхчувственный пласт любви" (В. Топоров), о чем чутко писал Б. Зайцев: "...Любовь являлась ему мистическим просветом. Он знал о божественном ее происхождении <...> Отказаться от предельного взгляда на любовь значило бы для него отказаться от себя и своего писания..." [12, с. 245]. Этому способствовал не только личностный жизненный опыт писателя, но и особое понимание им универсальных законов жизни.

Тургеневская философия любви необычайно широка, многомерна, диалектична, усложнена глубокими этико-эстетическими требованиями, но при этом она замкнута в доминанте близнечества любви и смерти. Помимо онтологической связанности любви и смерти, И. Тургенев чувствовал в этой связи созвучность с рефлексиями личного порядка, в любви умирает индивидуальность, эгоистическое "я": "Любовь – самое высокое, самое неземное чувство. Чужое я внедрилось в твое: ты расширен – и ты нарушен; ты плотью теперь далек, и твое я умерщвлено" [15, X, с. 56]. На романтические, усвоенные из немецкой философской школы, художественно-психологические представления о любви и женщине накладывались метафизические озарения, в дальнейшем оформленные в работах русских религиозных философов. Признавая великую преображающую силу любви, они, говоря о любви земной, отмечали на ней "печать трагической безысходности и антиномической боли" [6, с. 308], говорили о непримиримых метафизических противоречиях любви, о том, что жажда любви "эмпирически неутолима" [5, с. 242], что "любовь носит на себе внутреннюю трагедию. Ее обетования неисполнимы в порядке мировой данности" [11, с. 335]. Но у И. Тургенева трагическая концепция любви усугублялась также невозможностью примирить субъективное и объективное, уравновесить сознание долга, необходимость жертвы и потребность счастья "вследствие как природных, общественных законов, так и несовершенства самого человека" [14, с. 79]. Симптоматично, что И. Тургенев был певцом "первой любви" и почти никогда не изображал брачных отношений, как будто, с одной стороны, боясь коснуться эротической стихии, а с другой, мистическим образом предохраняя неизбежность смерти любви в супружестве и в эротике, защищая высшую сущность любви духовной, бесплотной.

Для понимания тургеневской концепции любви большое значение имеют произведения, написанные им в 1850-е годы, в годы тяжелых внутренних переживаний, осмыслений и окончательных решений относительно дальнейшего жизненного пути. Трагическая окрашенность любовного чувства наиболее полно проявилась в философско-лирических повестях писателя (начиная с "Затишья" и заканчивая "Первой любовью"), которые предопределили коллизии и характеры его поздних романов и повестей. В этих произведениях прослеживаются основные тургеневские типы и ситуации любовных отношений, сохраняющие при всей своей разности трагическую доминанту. Это единожды данный человеку решающий миг жизни, "миг счастья", способный перевернуть его судьбу, но не реализованный героями в силу разных причин ("Ася", "Первая любовь", "Затишье", "Переписка", "Фауст"); это вмешательство в судьбу героев иррационально-мистических сил, неподвластных человеческому разуму ("Фауст"); это способность к самоотверженной любви со стороны девушки и умственная любовь, любовь воображения, человеческая несостоятельность мужчины ("Затишье", "Переписка", "Ася"); это, наконец, отношения, выраженные диадой раб и властелин ("Переписка", "Первая любовь"). Кроме обозначенной типологии, для тургеневской концепции любви значимыми были антинормативные категории любви-страсти (наслаждения, плотского влечения) и любви-служения (жертвы, долга), любви эгоистической и любви нравственно-духовной, т. е. любви земной и любви небесной; красоты властной (о чем писал И. Анненский) и красоты духовной.

Для И. Тургенева женщина была носителем той вечной, идеальной любви, которой живет человечество, и только женское сердце хранит в себе бесценные сокровища, выражающиеся в жертвенности и самоотверженности духа. К. Бальмонт в эссе, посвященном И. Тургеневу, справедливо утверждал, что "слово о Тургеневе должно начинаться нежным женским именем и золотым именем Пушкина. Женщина была основным верховным божеством его творчества" [2]. И. Тургенев, познавший в жизни любовь земную и небесную, отразил ее противоположные лики в своих произведениях. Но единственно приемлемой и вечной является для него любовь небесная, т. е. духовная. Писатель всегда противопоставляет любовь-страсть, идущую от желания наслаждений, самоотверженной любви-жертве, не разрушающей, а возрождающей и одухотворяющей личность. "Любовь – великое слово, великое чувство" [15, III, с. 11], но только жертвенная любовь, забывающая себя, все в себе, может соединить в праведном и настоящем союзе два разных существа. Любить

жертвенной любовью, с точки зрения И. Тургенева, способны лишь женщины, для которых все их жертвы кажутся легкими и незначительными, потому что все они в большей или меньшей степени наделены особой целостностью духа, они "прекрасны в цельности своего чувства, в жертвенном самозабвении" [7, с. 88], потому что по природе своей "женщина склонна к самоотданию" (С. Булгаков). Такая любовь есть настоящая любовь нежного и всеобъемлющего женского сердца. Тургеневские же герои-мужчины в основном любят любовью воображения, которая в неистинности и неискренности своей всегда сталкивается с преградами на своем осуществлении. Поэтому чаще всего писатель в своих женских образах рисовал Психею, женское начало души, причем тургеневские Психеи, стремясь быть ведомыми, в реальности всегда сами ведут мужчин, тем самым исполняя истинное предназначение женщины на земле. В этой точке тургеневские предчувствия очень близки мыслям русских неоплатоников об истинной роли женщины в мире: "Во все сферы жизни, во все сферы творчества женщина может и должна внести свое животворящее, преображающее свое начало..." [5, с. 255].

Среди множества женских образов, нарисованных пером И. Тургенева, в контексте нашей темы важным является характер Марьи Александровны, героини "Переписки". Через этот образ писатель ставит важнейший для русского общества вопрос о сути и роли русской женщины, о том, что такое жизнь русской женщины и какова ее судьба, что глубоко волновало и И. Гончарова. Рефлексии Марьи Александровны, как в зародыше, содержат в себе развитие психологической ситуации, в которой оказывается гончаровская Вера. Марья Александровна живет в деревне, она молода и умна, много читает и много думает, она ждет человека, которой уймёт тоску ее души, ответит на вопросы ее пытливого ума. В письме она взволнованно делится с Алексеем Петровичем своими мыслями о роли мужчины в судьбе девушки: "если бы он был героем, он бы воспламенил ее, он бы научил ее жертвовать собою <...> Но героев в наше время нет... Все же он направляет ее, куда ему угодно; она предается тому, что его занимает, каждое слово его западает ей в душу: она еще не знает тогда, как ничтожно, и пусто, и ложно может быть слово, как мало стоит оно тому, кто его произносит, и как мало заслуживает веры!.." [15, VI, с. 71]. Тургеневская повесть появилась в первом номере "Отечественных записок" за 1856 г., однако начата она была еще в 1844 г., а кончена 8 декабря 1854 г., тогда как замысел гончаровского романа "Обрыв" относится к 1849 г. Это свидетельствует не только о характерности волнующих русское общество вопросов и схожести

реакций этих писателей на гендерные отношения, но и говорит об их типологической близости, о важности тургеневского опыта для Гончарова-романиста, с его особенной концепцией любви-страсти и пониманием женской природы.

И. Гончаров, как и И. Тургенев, признавал огромную силу и власть любви в жизни общественной, природной и семейной. В своем творчестве писатель был сосредоточен на процессе "разнообразного проявления страстей, т. е. любви..." [10, с. 209], желая проникнуть в глубины взаимоотношений "обоих полов между собой" [10, с. 211]. В своих трех романах, связанных между собою "одною общою нитью, одною последовательною идеею" [10, с. 73], И. Гончаров дал множество вариаций любви-страсти, практически исчерпав все возможные ее проявления в человеке, отразив "многовековой путь, по крайней мере, духовно-нравственной эволюции человечества" [13, с. 50]. Однако ему было совершенно не свойственно изображать мистические стороны любви, он не показывал запредельные ее грани и не окрашивал в мрачные тона, не чувствуя ее трагической основы, что принципиально отличается от тургеневской концепции любви. Не было в его разновидностях страстей и проявлений рабской покорности властной и красивой женщине со стороны мужчины, так как это противоречило спокойной и в глубине своей безмятежной натуре писателя, склонного окрашивать жизнь в "светлые и мягкие тона" (Ю. Айхенвальд).

Зато любовь плотскую, земную, чувственную, "сладострастие пола", из которого возможно рождение "сладострастия духа", "преображение духа", И. Гончаров изображал постоянно. Он не упускал малейших градаций такой любви, и "сладострастие Афродиты Небесной" было самым желанным для писателя, ибо именно оно несло экстатическое блаженство, ведущее к слиянию с "высшей природой" [5, с. 257, 258]. И. Гончаров был не чужд ощущению того, что "все высшие формы духовного творчества коренятся в сфере половой любви, питаются половой энергией" [11, с. 333]. Сам И. Гончаров признавался в одном из своих писем к С. А. Никитенко: "По страстной натуре своей я искал наслаждений, хотя осознавал, что они не цель жизни..." [10, с. 364]. Гармоничным завершением любовных отношений между мужчиной и женщиной для писателя был освященный церковью брак, в котором не исчезали, но утихали вакхические порывы (стоит вспомнить превратившуюся в вакханку Ольгу, которая обнимала мужа в порыве любви и благодарности за понимание). Отношения с женщинами практически всех главных гончаровских героев были оформлены брачными узами. Женат Петр Адуев, женится и Александр, Илья Обломов всегда представлял женщину как жену и никогда как

любовницу, для Штольца брак с Ольгой Ильинской является венцом его жизненных мечтаний и усилий, в ней и с ней он находит "последнее счастье человека", и, хотя "артистическая натура" Райского не позволяла ему заостенеть в браке, он понимал, что "цель любви – рождение детей", и "идеал полного счастья" у него "неразлучен с идеей семьи..." [9]. В этой своей мысли он полностью совпадает с горячим убеждением Веры в том, что женщины созданы прежде всего для семьи, а семейное счастье "ведет за собой долг" [9].

Но гончаровское понимание долга лежит в другой, отличной от тургеневской, плоскости. Признавая, что самое великое, что есть в сердце женщины, это "сострадание, самоотвержение, любовь", И. Гончаров не видел противоречий между личным счастьем и исполнением долга, необходимостью жертвы, он верил в то, что духовно-телесная любовь может реализоваться в повседневной, практической жизни (брак Штольца и Ольги является попыткой воплощения этой веры). Для И. Гончарова были возможны совмещение полезного и приятного, примирение этического и эстетического, гармония между личным счастьем и моральным долгом, потому что исполнение самого долга дарит счастье. Так, Марфинька рада слушаться бабушку, выполнять свой долг перед ней, потому что это совпадает с наклонностями ее души, Агафья Матвеевна рада служить любовью и заботой Обломову, потому что для нее это естественный зов сердца, абсолютное и негаданное счастье. И. Гончаров считал исполнение долга нормальной потребностью человека, вытекающей из его природной сущности. Настоящие люди естественно стремятся к красоте поступка, поведения, отношений, любви. Они не умствуют и не принуждают себя, а свободно следуют за повелениями своего сердца. Однако такой простотой и природностью поведения отличаются немногие героини писателя, сильная и красивая душою русская бабушка Татьяна Марковна Бережкова и от природы нравственно здоровая и добрая Марфинька. У бабушки всегда ум с сердцем в ладу, "любовь ее, снисхождение, доброта покоятся на теплом доверии к добру и людям <...> у бабушки принцип весь в чувстве, в симпатии, в ее натуре" [9], а Марфинька, с ее простотой и цельностью нравственной силы, способна выполнить высшее предназначение женщины в браке – продолжить род и создать свое семейное гнездо. О безусловной важности этой миссии женщины говорили позднее философы русского Ренессанса: "Полный образ человека есть мужчина и женщина в соединении, в духовно-телесном браке..." [6, с. 313], задача которого – деторождение.

Вера, как и ее бабушка, и сестра, не представляет любви без брака, скрепленного церковным венчанием. Но любит она рационально,

она жестоко борется со своей страстью, с бурей в своей душе, но буря эта касается не только ее сердца, она у нее рассудочная, рационалистичная. Вера верит "в глубокую, святую, неизменную любовь", она готова пойти за своим избранником или повести его за собой, но только в том случае, если она безраздельно поверит ему, если он удовлетворит ее душевные, а не чувственные запросы. Она готова жертвовать собой, но эта жертва не должна противоречить ее морально-нравственному чувству, ее пониманию "человеческого, а не животного счастья" [9]. В этом ее сестрой по духу является Ольга Ильинская. Обломов добр, умен, благороден, нежен, у него золотое сердце, но, угадав все это в своем герое, Ольга этим не удовлетворилась, потому что она любила головой, она "пыталась любовь", вдумывалась в каждый свой шаг, свои жертвы она рассчитывала без романтических грез. Она хотела переделать Обломова, повести его за собой, она хотела в нем видеть человека выше себя, героя, в котором кипели бы жизненные силы, деятельного, ищущего, сильного. Она хорошо знала, что ей нужно в жизни, и понимала, что Обломов никак не сможет составить ее счастье, разбудить его ей не удалось, а любить в нем все, "что есть хорошего" [8, с. 296], она была не в состоянии. Думается, что Ю. Айхенвальд подметил верно, что гончаровские девушки "не столько любят, сколько спасают" [1]. И Вера, и Ольга могут любить здоровой любовью, они не теряют своего "я", не дают ему раствориться в другом человеке, в чем гнездится их коренное отличие от тургеневских героинь, забывающих о самооценности собственной личности. В Вере, как и в Ольге, при всей высоте их душевных качеств, нет способности к беззаветному служению человеку, к безоглядному самопожертвованию, ее главные черты – гордость, осмысленность и сознательность. И надо отметить, что осмысленный и сознательный, нравственно здоровый подход к жизни высоко ценится И. Гончаровым. Одухотворенной разумностью, "деятельным духом" (Ф. Шиллер) он наделяет и Тушина, и чересчур "схематичного" для русской природы Штольца, в этих героях есть равновесие ума и сердца, "сила души и воли", та настоящая "красота души", редкая создающая гармонию, которая ведет жизнь правильным, природным ходом, вершит прогресс. Такой гончаровскому Обломову видится и Ольга: "Невозмутимая, неробкая, простая, но решительная женщина, естественная, как сама жизнь!" [8, с. 283].

В отношении к женщинам голос И. Гончарова сливается с голосом его героя Райского, который поет гимн русской женщине: "В женской половине человеческого рода заключены великие силы, ворочающие миром" [9]. Для писателя идеал женщины заключается в образе

одохотворенной Венеры, в сочетании красоты внешней с "красотой духа", женский идеал выливается в идеал истинной "гармонии красоты". Под внутренней красотой И. Гончаров и его герои-мужчины разумели красоту душевных устремлений, честность, доброту, любовь, широту и глубину ума, равновесие этих ценных качеств и составляло мечту писателя. В его художественной практике преобладал образ Галатеи, причем Галатея могла принимать и мужское обличье (Обломов, Волохов), преображаясь в Пигмалиона, после чего она снова становилась Галатеей, но уже для другого героя, равного себе партнера Пигмалиона. Важно, что И. Гончаров именно в процессе сотворения, устройства отношений уравнивал мужчин и женщин. Ольга стала Пигмалионом для Ильи, но, разочаровавшись в возможности сделать из него спутника жизни, скоро переменяла роль, и для Штольца она уже была Галатеей, полностью предававшей его мудрой воли. Вера также не смогла справиться с задачей Пигмалиона по отношению к Марку, однако после разрыва с ним в ее душе оживает Галатея, которая ждет своего искусного мастера. Для писателя этот процесс построения отношений между мужчиной и женщиной был обоюдным, представлялся как встречное движение одного сердца навстречу другому, как неустанный труд души, когда оба партнера не застывают в собственном развитии и помогают совершенствоваться друг другу. В таком понимании союза между мужчиной и женщиной содержались семена, которые в русской религиозно-философской мысли рубежа XIX и XX веков дали свои всходы. "Женский вопрос", остро стоявший в Европе и России уже во времена И. Гончарова и И. Тургенева, облекался в несовершенные формы. Равенство полов понималось неадекватно, женщины, стремясь избавиться от власти мужчин, переходили грань и становились мужеподобными не только внешне, они перебирали на себя мужские качества и функции, извращая свою уникальную женскую природу. И Н. Бердяев, и С. Булгаков, развивая свою концепцию Эроса, говорили об андрогинности человеческой природы: "Женщина имеет мужское начало, но по-своему, также как и мужчина – женское <...> Мнимое равенство неизбежно сопрягается с поруганием женственности и с низведением пола к простому различию самца и самки, нигилизм приводит к цинизму" [6, с. 315]; поэтому "равенство мужчины и женщины есть пропорциональное, равенство своеобразных ценностей" [5, с. 254]. Вот отчего мудрый И. Гончаров, приверженец гармоничного устройства мира и человеческих отношений, показывает неудачи Ольги и Веры, когда они становились Пигмалионами, тужась выполнить несвойственные им мужские функции, ведь в глазах настоящего мужчины женщина должна оставаться Галатеей, восхо-

дащей к Венере, и охранять, лелеять свою женственность, "честь и достоинство женщины", призванной "вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе" [5, с. 254].

И. Гончаров и И. Тургенев стремились воплотить гармонию и идеальную красоту мира в своих произведениях. Оба писателя в своей художественной практике наметили и предвосхитили многие духовно-эстетические и этические тенденции, которые нашли свое развитие в философско-религиозном дискурсе Серебряного века. Дух "незамутненного художества", которым окутано творчество И. Тургенева, обнажил трагическое мироощущение и неизбывное романтическое мировосприятие писателя, что проявилось в свободном лиризме его прозы. Но понимание одухотворенной красоты природы и внутреннего мира женщины, мечта о бессмертной и самоотверженной любви женщины уравнивали его художественный мир. И. Гончаров видел гармонию в сочетании женского достоинства, ума и красоты души и тела, в брачно-семейных отношениях мужчины и женщины. Однако оба русских писателя созвучны в осознании великой онтологической значимости любви, в утверждении женского начала мира, в понимании гармонизирующей и созидательной, животворящей миссии женщины как уникального создания природы. И жертвенная женская любовь у И. Тургенева, и добродетельная, духовно-телесная любовь у И. Гончарова были едины в своем христианском корне: "Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится" [Кор.: 13: 2: 8].

Литература

1. Айхенвальд Ю. И. Гончаров [Электронный ресурс] / Ю. И. Айхенвальд. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/goncharov/aihenv_goncharov.html. – Назва з екрана.
2. Бальмонт К. Д. Мысли о творчестве. Тургенев [Электронный ресурс] / К. Д. Бальмонт. – Режим доступа: <http://www.emigrantika.ru/news/75-mis-tvor>. – Назва з екрана.
3. Батюто А. И. "Отцы и дети" Тургенева – "Обрыв" Гончарова (философский и этико-эстетический опыт сравнительного изучения) / А. И. Батюто // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 3–23.
4. Бельская А. А. Тургенев и Гончаров: этико-философские взгляды писателей / А. А. Бельская // Гончаров И. А. : материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / сост. М. Б. Жданова и др. ; редкол. : М. Б. Жданова, Ю. К. Володина и др. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 249–257.
5. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви / Н. А. Бердяев // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. и авт. вступ. ст. В. П. Шестаков ;

коммент. А. Н. Богословского. – М. : Прогресс, 1991. – 448 с. : ил. – С. 232–273.

6. Булгаков С. Н. Свет невечерний / С. Н. Булгаков // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. и авт. вступ. ст. В. П. Шестаков ; коммент. А. Н. Богословского. – М. : Прогресс, 1991. – 448 с. : ил. – С. 307–319.

7. Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева / М. О. Гершензон. – М. : Т-во "Книгоиздательство писателей в Москве", 1919. – 170 с.

8. Гончаров И. А. Обломов : роман : в 4 ч. / И. А. Гончаров / авт. послесл. В. А. Котельников. – М. : Просвещение, 1989. – 446 с. : ил.

9. Гончаров И. А. Обрыв [Электронный ресурс] / И. А. Гончаров. – Режим доступа:

http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0030.shtml. – Назва з екрана.

10. Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 8 т. / И. А. Гончаров. – М. : Художественная литература, 1952–1955.

Т. 8. – 1955. – 565 с.

11. Жураковский А. Е. Таинство любви и таинство брака / А. Е. Жураковский // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. и авт. вступ. ст. В. П. Шестаков ; коммент. А. Н. Богословского. – М. : Прогресс, 1991. – 448 с. : ил. – С. 320–336.

12. Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева / Б. К. Зайцев // Далекое / сост., автор вступ. ст. и прим. Т. Ф. Прокопов. – М. : Советский писатель, 1991. – 512 с.

13. Недзвецкий В. А. Романы И. А. Гончарова / В. А. Недзвецкий. – М. : Изд-во МГУ ; Просвещение, 1996. – 112 с.

14. Савоськина Т. А. Философия любви в прозе И. С. Тургенева / Т. А. Савоськина // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. – Ізмаїл, 1998. – Вип. 3. – 271 с. – С. 71–80.

15. Тургенев И. С. Собрание сочинений : в 10 т. / И. С. Тургенев. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962.

16. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. / 2-е изд. Подгот. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянд ; коммент. В. Фридлянд. – М. : Художественная литература, 1983.

Т. 2. – 1983. – 557 с.